

Никандрыч и Златовласка

Наталья Ильюшенкова

Наталья Ильюшенкова
Никандрыч и Златовласка

«Автор»

2024

Ильюшенкова Н. Е.

Никандрыч и Златовласка / Н. Е. Ильюшенкова — «Автор», 2024

«Есть только одна подлинная ценность – это связь человека с человеком», - сказал великий Антуан де Сент-Экзюпери. В век скоростей и информационных технологий нечасто мы замечаем рядом с собой тех, кто нуждается в помощи и поддержке, тех, кто, несмотря на трудные жизненные ситуации, сохраняет и человеческое достоинство, и свои природные таланты, и умение любить... Книга "Никандрыч и Златовласка" - это трогательная история о том, как далёкие по уровню образования, по образу жизни и даже по расстоянию друг от друга люди становятся близкими и родными. Ну и, конечно, о том, что любви все возрасты покорны!

© Ильюшенкова Н. Е., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Часть I. Изольды	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Наталья Ильюшенкова

Никандрыч и Златовласка

Часть I. Изольды

«Есть только одна подлинная ценность – это связь человека с человеком». (Антуан де Сент-Экзюпери)

Никандрыч был доволен работой! Давно руки не творили так быстро и ловко, а голова не работала так творчески, как нынче! То ли оттого, что Изольда поправляется, улыбается ему на его романтические намёки и скоро приедет, то ли оттого, что всё вообще очень уж хорошо, и даже подозрительные мужики, напуганные, видимо, принятыми мерами, куда-то пропали... Ну и, конечно же, очень уж хотелось ему подарить маленькой Златовласке на Новый год что-то очень достойное...

Никандрыч решил подарить Златовласке Настоящего Дракона! Такого, каким представляет драконов вообще Златовласка – не пушистого и мягкого с улыбочкой, а грозного, с чешуёй, рогами, языком... Как в книжке, которую Изольда очень любит. Никандрыч «приватизировал» в школьной мастерской хорошее бревно, придал бревну на станке форму, и вот уже несколько дней обстругивал его в своём «коттедже». Он знал: главное – это создать дракона в своей голове, а уж руки воспримут. Он хотел сделать Настоящего Дракона именно с зелёной чешуёй, для чего натаскал в гараж пустых бутылок зелёного цвета и наколот мелкий стёклышек. Их он потом будет приклеивать к телу дракона...

Златовласка занимала в его жизни совершенно особое место. И не только потому, что она является внучкой ТОЙ, самой главной теперь женщины в его жизни, самым лучшим подарком на Новый год, и похожа она на ТУ, старшую Изольду как две капли воды... Да, это всё так, и именно Златовласка познакомила, свела их, это бесспорно, без Златовласки ничего бы не было... Но кроме этого он был очень привязан к Златовласке, потому что она была совершенно необыкновенным ребёнком. И это отмечали все.

Познакомился Никандрыч с девчужкой ещё летом, они появились в этом дворе практически одновременно. Златовласка с мамой и бабушкой поселилась в небольшой пятиэтажке, стоявшей почти вплоты к гаражному массиву, где Никандрыч калымил, да почти и обитал, ночевал в сарайках. Собственно, это был никакой не официальный гаражный массив, а несколько рядов гаражей и сараев, построенных ещё в советское время без всякого оформления на окраине города, и как раз по этому самостийному массиву проходила черта, отделяющая город от района. Поэтому официальные землемеры, сто раз выезжавшие на место с целями то попытаться определить в очередной раз границу, то написать предписания хозяевам гаражей, махали рукой на самострой. Последнее время они говорили с мужиками, владельцами гаражей, про гаражную амнистию, разговаривали с участковым Банкиным, у которого тоже был здесь незарегистрированный гараж, но потом на полгода-год все опять забывали о проблеме. Да, собственно, никакой проблемы и не было, гаражи не мешали, участковый Банкин присматривал за ними, тут никто не хулиганил, чистоту и пожарную безопасность соблюдали, все друг друга знали, почитали и уважали. А участкового Андриюху Банкина, жившего в том же доме, где Златовласка, почти примыкавшем к гаражам, на какой-то мужиковой гаражной попойке даже единогласно выбрали председателем несуществующего гаражного кооператива.

В ноябре Никандрыч возвёл в гаражах себе жильё – некий второй этаж над брошенным гаражом. Мужики из уважения к строительным способностям и чувства юмора называли его «коттеджем». Рядом с Банкиным гаражом стоял маленький, вросший в землю гаражик метров

пятнадцать площадью. Хозяева давно куда-то сгнули, мужики стали использовать гаражик как склад общих вещей. А когда участковый Банкин нашёл в подвале подхватившего пневмонию Никандрыча, после чего тот почти месяц пролежал в больнице, то мужики, поговорив по душам, пришли к выводу, что Никандрыч мужик положительный, рукодельный и не криминальный, и решили поселить его в этом ничейном гараже. Члены «кооператива» единогласно идею поддержали. Что ни говори, а сторож гаражам не помешает, к тому же сторож – мастер на все руки. Никандрыч в свою активную бытность поработал и каменщиком, и печником, и сантехником, и монтажником, и электриком... Да кем только не был! Пока две доченьки не решили от него избавиться. Жил он с семьёй в другом городе, километров тысяча отсюда. Когда жена умерла, дочери были уже взрослые. Старшая вышла замуж, когда родители Никандрыча умерли, и поселилась в их освободившейся квартире. Младшая, выйдя замуж уже после того как Никандрыч овдовел, привела зятя в его квартиру. Пожили немного вместе, да и неплохо жили... А потом дочери стали уговаривать Никандрыча уехать в другой город, на берег Волги, к тётке, которая когда-то звала его скоротать свою старость. И обещала завещать или подарить ему квартиру. Никандрыч не возражал. Он вообще никогда не возражал. Он прекрасно понимал, что дочкам не нужен.

Дочки написали тётке, она ответила, что жива – здорова, они быстренько собрали Никандрыча в дорогу и посадили на поезд, предварительно выписав с законной жилплощади. Однако, приехав в тёткин город на берегу Волги и найдя её в убогой замызганной хрущёвке на самом краю города, Никандрыч с прискорбием узнал, что тётка уже давненько не в себе, квартиру она переписала на каких-то соседей, которые якобы за ней ухаживают, а Никандрыча даже не узнала.

Возвращаться в родной город Никандрыч не стал, поскольку прекрасно понимал, что ни одна из дочерей его не примет, и нанялся копать огороды местным дачникам. Благо на окраине города, и тем паче за чертой его, домов с участками было великое множество. Пенсию он получал на карточку, хозяева огородов ему не только платили деньги, но и кормили и поили, да и одеждой обеспечивали, так что конец весны и начало лета он прожил весьма безбедно и даже весело. Одно плохо – Никандрыч до боли скучал по внукам! Сначала они ему звонили, разговаривали по Ватсапу, а потом Никандрыч телефон потерял, ему подарили кнопочный, без интернета. А внуки без Ватсапа звонить не хотели – мамы сказали им, что это слишком дорого. Никандрыч звонил им сам, но они отвечали всё реже и реже...

Вскоре жители окрестных домов выяснили, что Никандрыч на все руки мастер, и он стал крыть им крыши, чинит водопроводы, строить заборы, делать ремонты.

И таким образом он познакомился со Златовлаской. Он давно обратил внимание на белокурую девочку, на вид которой было лет 8-10, но личико у неё было слишком серьёзным для возраста. Девочка была полна удивительного очарования. Какого – Никандрыч так и не понял, но оторвать глаз от девочки просто не мог.

Впервые он увидел её рано утром. Никандрыч ночевал в сарайке при гаражах, просыпался рано, начинал трудиться, если было где, или, если работы не было, выходил во двор пятиэтажки Бастилия, как называли жители крайний дом за его хмурый депрессивный цвет и длину – в доме было девять подъездов. Несмотря на серо-грязно-жёлтый цвет и неблагозвучное название дома двор выглядел отменно. Во дворе было много лавочек, детский городок с песочницей, цветники у подъездов, заботливо посаженные бабушками, и тонкие стройные берёзки, создававшие уют и тень. Никадрычу было совершенно непонятно, почему жители прозвали их дом так депрессивно, ему нравился весёлый живой длинный двор. И жители нравились. Здесь, как и во дворе на его родине, все друг друга знали и осознавали некую общность идеи, как Никандрыч запомнил из интернета, социальную ответственность. Квартиры в Бухенвальде продавались и покупались редко. Богатым хрущёвки на окраине не нужны, а бомжей расселяли по общежитиям и малосемейкам, которых в городе было великое множество. И ещё Никанд-

рычу нравилось, что город стоял на реке Волге, которую он давно мечтал увидеть. Собственно, сам город находился на другом берегу, здесь был маленький окраинный район, созданный из деревень да бараков, построенных для рабочих судостроительного завода. Строились дома, даже многоэтажки, людей из бараков расселяли, бараки сносили, появился вполне приличный микрорайон. Но селиться здесь мало кто хотел. Судостроительный завод приказал долго жить, работы не было. Так что остались в основном местные жители.

И всё же «новенькие» здесь появились. «Новенькими» называли семью Златовласок. Они купили двухкомнатную угловую хрущёвку, как говорили местные бабушка, по бедности.

Может быть, семья была действительно не богата. Но маленькая Златовласка совсем не выглядела ни бедной, ни забитой, ни печальной. Хотя её кругленькая мордашка с лёгким золотистым загаром и хранила серьёзное выражение, девочка была улыбчивой и приветливой. Ранним утром майского дня Никандрыч и увидел её сидящей на краю песочницы, с горкой золотых одуванчиков и пучком зеленых ленточек на коленях. Увидел – и сердце его защемило. Он вспомнил внучек, которые были примерно ровесницами девочке – чуть, может, старше или чуть младше. И подумал почему-то с удивлением, что никогда не видел, чтобы его внучки плели венки из цветов.

Никандрыч присел на край песочницы, достал сигарету, зажгёт, но тут же потушил: девочка посмотрела на него очень серьёзными тёмно-зелеными глазами, и ему стало стыдно.

– Здравствуйте! – девочка улыбнулась.

– Привет! – Никандрыч расплылся в улыбке.

– А я знаю, ты – Никандрыч! – ещё серьезнее заявила девочка, вплетая в венок зелёную ленточку.

– Откуда ты знаешь? – удивился Никандрыч.

– Бабушка сказала. Она говорит, надо ремонт сделать, Никандрыча позвать. Она говорит, ты добрый и всем помогаешь... И нам поможешь?

На душе у Никандрыча стало вдруг так тепло и так светло, как будто бы он обнял своих внучек...

– Помогу, конечно! Скажи свой бабушке, пусть в любое время обращается... Я по утрам всегда сюда прихожу. Мне здесь нравится... Двор хороший.

– И мне нравится! – с воодушевлением подхватила девочка! Здесь много цветов. И бабушка в нашем палисаднике тоже посадила.

– Для чего ты плетёшь венки?

– Для школы! – глаза девочки ещё посерьезнели. – Я сюда в школу пойду, во второй класс. Я новенькая. Но директор разрешила пойти пока в летний лагерь, чтобы я подружилась с ребятами. И меня записали, я уже два дня хожу. А у нас сегодня будет праздник знакомства. И мне поручили рассказать, кто я и откуда, и ещё про свою страну... А мы с Украины, вернее, из Донбасса, но это всё равно... И мы с бабушкой решили, что я сплету венок по-украински, с ленточками. И спою песню «Ничь яка мисячна». Это бабушкина любимая песня.

– Так вы из Украины сюда приехали?

– Ну да... Мы из Донбасса. – глаза девочки погрустнели и Никандрыч, как не распирало его любопытство, решил больше ни о чём не спрашивать.

Помолчали. Девочка старательно плела венок, Никандрыч наблюдал. Наконец он осмелился:

– А зовут тебя как?

– Изольда! – гордо ответила девочка. И с ещё большей гордостью добавила. – Изольда Златоволосая!

Никандрыч выронил незажжённую сигарету и вздёрнул брови. А ведь Изольда и вправду Златоволосая! Две толстые косы девочки были удивительного светло-медного цвета, как свежий мёд, и их концы, перевязанные такими же зелёными бантами, какие она шустро вплетала в

золотой веночек из одуванчиков, завивались замысловатыми кудряшками. И эти кудряшки блестяли и переливались на солнце... И одновременно с этим перед взором Никандрыча мелькнуло что-то из далёкого детства, книга в сером тканевом переплёте с теснённым золотом изображением на обложке... Отец, большой почитатель книг, был начальником железнодорожного вокзала, и потому имел большие связи в торговом мире. Но больше всего он ценил дружбу с директрисой книжного магазина – единственного в посёлке. Директриса всегда звонила ему, когда поступали редкие книги. В доме была огромная библиотека, вся классика. Много книг осталось и от деда с бабушкой. Но вот достать в те времена детскую книгу было настоящей удачей. И вот однажды отец принёс им с сестрёнкой большую книгу в сером тканевой обложке, и на передней обложке был теснённый красным золотом заголовок «В стране легенд». И ало-золотой рыцарь трубил в рог... Они с сестрёнкой тут же подрались, кому первому читать, книга так поразила их воображение! Он победил, выхватил книгу, но первая же легенда разочаровала его – там было всё сплошь про любовь. Однако он запомнил, что героев, страстно влюблённых друг в друга, звали Тристан и Изольда, и у неё были золотые волосы. Потом эти имена много раз попадались ему, в том числе были фильмы об этой несчастной парочке, и как-то он даже дочитал эту легенду до самого конца. Другие легенды, в первую очередь о рыцарях Круглого стола, ему действительно понравились, но больше всего поразило его воображение «Гамельнский крысолов». А вот сестрёнка была в восторге именно от «Тристана и Изольды».

Девочка, чутко уловив перемену настроения в Никандрыче, отложила в сторону веночек и сказала:

– Легенда есть такая про любовь! «Тристан и Изольда» называется! У Изольды были золотые волосы... Как у нас с бабушкой!

– Я знаю! – очень гордо вскинул голову Никандрыч. – У меня в детстве книга была такая!

Девочка повернулась к нему всем корпусом, и они оказались лицом к лицу. Она пахла нектаром, цветами и свежей листвой, а глаза у неё оказались удивительно зелёного цвета, как два огромных изумруда...

– Правда? Где на обложке рыцарь трубит? – с восхищением и лёгким недоверием спросила она.

– Да, рыцарь. И книга «В стране легенд называется».

– Я её сейчас читаю! – с восторгом сказала девочка. – Там так всё здорово!

Никандрыч изумился. Он пытался в своё время подsunуть книгу своим дочерям, однако средневековые легенды не произвели на них впечатления. Дочери вообще очень мало читали. Никандрыч сокрушался, но потом убедил себя, что виной всему были проклятые 1990-ые годы, когда ни должного образования, ни воспитания дочерям они с женой дать не могли, поскольку работали день и ночь, чтобы выжить, а в школах тогда черт знает что творилось... Он надеялся, что внушек, родившихся в благополучные годы и даже с материнским капиталом, появится любовь к чтению, и даже пытался им читать вслух, в том числе и легенды из книги. Но внушки вообще книгами не интересовались, просиживали целым и днями в телефоне, а за летние каникулы вообще забывали буквы.

– Тебя в честь Изольды назвали?

– Нет, меня – в честь бабушки! – гордо сказала Златовласка. – Я на бабушку похожа как две капли воды. А вот бабушку – в честь Изольды. Я вас познакомлю!

Никандрыч с удовольствием хмыкнул. Девочка нравилась ему всё больше и больше. Она разговаривала как взрослая, и в то же время было в ней столько детской чистоты и искренности, что казалось она Никандрычу цветком, выросшим в оранжерее.

– Никандрыч! – Девочка встала, отложила в стону готовый уже веночек с зелёными лентами. – Помоги мне, пожалуйста. Мне надо сейчас веночек померить! А то скоро в школу уже...

Никандрыч растерянно поднялся. Он не знал, как это – мерить веночек из живых цветов и атласных лент... Изольда торопливо расплела свои золотые косы, и волны мягкого золота рас-

плескались по её скромному светлому платицу. Никандрыч даже заморгал: ему показалось, что солнце режет глаза... Тем временем солнце уже действительно поднялось, и настоящее летнее утро наступило, из подъездов стали выходить люди, кто-то спешил на работу, кто-то тащил детей в садик...

– Ну как венок?.. Никандыч, ты не слышишь, что ли! – Изольда теребила замершего в оцепенении Никандрыча за рубаху. – Скажи, впору мне венок или нет?!

– В пору, в пору! – быстро ответил Никандрыч. – И... когда тебе в школу?

– В лагерь–то? Сейчас!.. Я специально пораньше встала, чтобы венок сплести. А то с несвежими цветами будет некрасиво... Ой, а времени-то сколько?

Никандрыч взглянул на телефон.

– Скоро восемь...

– Мне пора! – официально и серьезно заявила девочка. – Пойдём со мной, я тебя с бабушкой познакомлю! – взяла Никандрыча за руку и потащила к подъезду.

Около подъезда Никандрыч затормозил и стал упираться. Он и в нормальной-то жизни был стеснительным, а сейчас, став фактически бомжом, вообще избегал нормального общения. Ему было стыдно за свою внезапно ставшую непутёвой жизнь. К тому же дочери и зятя так долго внушали ему, что он алкоголик и рано или поздно кончит плохо, что он и сам в это поверил. Да ещё и одет он был затрапезно, в не слишком чистую рабочую одежду... Но Изольда проявила недюжинное упрямство и продолжала тащить Никандрыча в подъезд, громко и настырно внушая ему, что бабушка будет очень рада...

Никандрыч так испугался предстоящего знакомства, что стал вырываться и даже злиться. И, может быть, он, вырвавшись, обидел бы милую маленькую Златовласку, но тут из подъезда, на их шум, видимо, вышла Златовласка старшая. Она была действительно очень похожа на Златовласку младшую. Никандрыч даже опешил. То ли от их сходства, то ли от неё самой. Светлолицая, какая-то очень лёгкая, хотя и немного полная, но с тонкой талией, с высокой грудью, в цветастом сарафане с пояском и с обнажёнными очень красивыми руками, Златовласка-бабушка на ходу скрепляла волосы шпильками в какой-то замысловатый валик с завитушками... Волосы у неё были такого же светло-медового цвета, и, хотя на вид ей было около пятидесяти лет, седина почти не тронула их.

– Ты что кричишь? – одернула она Златовласку – младшую. – Всю улицу разбудишь!

– Бабушка, здесь нет улицы! – строго заметила Златовласка младшая. – Надо говорить правильно! Это двор, и никого мы здесь не разбудим, потому что все уже встали на работу... А это Никандрыч! – И она вложила бабушкину руку в заскорузлую коричневую руку Никандрыча. Никандрыч чуть не умер от ужаса и так оцепенел, что даже не мог сопротивляться и отдернуть руку, а когда отошёл от оцепенения, то всё-таки отдернул, и Изольда – старшая засмеялась.

– Меня зовут Изольда... Что Вы так смущаетесь, Никандрыч? – сказала она, смеясь. – Раз уж познакомились с моей внучкой, будьте любезны познакомиться и со мной.

Никандыч от испуга забыл все слова. Тем более что последнее время, копая чужие огороды и кроя крыши чужих домов, он привык обходиться очень малым запасом слов. И теперь нормальные слова почему-то не вспоминались...

– Бабушка! – не унималась Златовласка. – А Никандрыч тоже знает про Изольду! Он тоже в детстве нашу книжку читал!

– Это очень хорошо! – ответила Златовласка – старшая и, как показалось Никандрычу, с большим удивлением на него посмотрела.

Ну да, действительно, мелькнуло где-то в уголке мозга у Никандрыча, не часто встретишь бомжа, читавшего и помнящего средневековые легенды. Глаза у Изольды – старшей были такого же изумрудно-зелёного цвета, как у Изольды – младшей. И Никандрыч с грустью поду-

мал, что вот у него почему-то глаза, когда-то темно-карие, почти выцвели и стали какими-то бежевыми. А вот у Изольды- старшей почти такие же яркие, как у маленькой внучки....

– Пойдёмте к нам чай пить! – предложила Изольда – старшая.

Изольда младшая с удовольствием подхватила эту идею и весело запрыгала вокруг Никандрыча.

– Да, да, и вправду, Никандрыч, пойдём! Я тебе книжку покажу!

Но Никандрыч, покраснев до ушей, вдруг осознал, что он вот-вот кинется в бегство...

– Нет-нет... залепетал он, – я не могу... По крайней мере, сейчас... Я очень занят... У меня работа... Изольда сказала, вам помощь нужна... Так вы мне только скажите, я приду, сделаю... А сейчас мне правда надо...

– Ну как хотите, – пожалала золотистыми плечами Изольда старшая, и рюшечки на её цветном сарафане зашевелились, отчего Никандрыч почему-то покраснел ещё больше. – Не смею задерживать.

Никандрыч повернулся и пошёл, чувствуя во всём теле такой жар, будто он упал в горячий битум... Изольда младшая догнала его и, глядя в глаза своими теплыми изумрудами, сказала:

– Ну тогда приходи после обеда., когда я из школы приду. Я тебе фотографии покажу, как я выступлю... Придешь?

Никандрыч что-то промычал, а Изольда голосом, не терпящим возражений, заявила:

– После обеда встретимся в той же песочнице! Понял?

Никандрыч, вернувшись копать огород милой старушке, кормившей его блинами с прошлогодним засахаренным вареньем, не сразу осознал, что у него дрожат руки. Он сказал старушке, что плохо себя чувствует, взял кусок мыла, свежую футболку и пошёл к реке. Волга протекала через город, и та часть, где волею судьбы оказался не так давно Никандрыч, располагалась почти на самом берегу. Стоял конец мая, вода была холодной, но больше Никандрычу помыться было негде... Он тщательно вымылся, несмотря на холод в воде, выстирал бельё и джинсы, погрелся на солнце, расстелил, как в детстве в деревне, чистые джинсы на траве, отскрёб по мере возможности руки, и время обеда приближалось. Он сам не знал, почему его так потянуло в этот двор, чем приворожила зеленоглазая золотоволосая малышка с серьезным лицом, читающая в восемь лет средневековые легенды... Конечно, немало людей, в том числе маленьких детей, источающих невероятное обаяние, и это никак не объяснить... А, может, дело вовсе не в малышке, а в её бабашке?...

Так или иначе, но ещё задолго до обеда Никандрыч уже сидел на песочнице и смотрел, как на детской площадке мамы, уткнувшись в телефоны, изредка покрикивают на шаливших детей. Он не знал, на какую сторону выходят окна Изольдиной квартиры, но втайне надеялся, что на двор. И что Изольда-старшая, хлопоча на кухне, иногда поглядывает в окно, высматривая возвращающуюся из летнего лагеря внучку. Никандрыч так волновался, что курил сигарету за сигаретой, пока мамы не сделали ему замечание. В общем-то многие его тут уже знали, обращались по поводу разных мелких работ, шабашек, считали своим и относились к нему хорошо. Он слыл отзывчивым, добрым, работающим, а если и выпивал, то уходил куда-нибудь в гаражи.

Пару раз за всё время к нему подходил участковый Банкин. Первый раз был очень строг, смотрел подозрительно, проверил паспорт, хмыкнул, спросил, откуда прибыл? Выслушал историю его появления, объяснил:

– А я думал, ты мигрант какой! Больно уж внешность у тебя... странная. Как у лица кавказской национальности, мы раньше так в сводках писали. Думал, ты абрек какой...

Никандрыч выразил полную солидарность с участковым, объяснив, что сейчас он ещё поприличнее выглядит, поседел, да и глаза не такие жгучие, а в юности был почти черноглазым, да к тому жгучим брюнетом, и в армии получил прозвище Грузин. Он и сам не знал, почему

такой. Отец жгучим брюнетом не был. Сестрёнка похожа на мать, светленькая, а он, видимо, в отцовских предков: отец говорил, что они из терских казаков, а какой казак не имеет восточных кровей!

Банкин присматривался несколько дней к новому субъекту своей территории, потом сказал, что жить здесь можно, никто его не обидит, но только пусть и он ведёт себя хорошо и пьяный не появляется, а то Банкин непременно заберёт его и сдаст в обезьянник.

– Ты, Никандрыч, главное, не безобразь! – изрёк Банкин, угощая Никандрыча сигаретой. – Лето перекантуешься, а к зиме, может, мы тебе какую-то работёнку подберём. Может, и в общежитие пропишем. А пока у тебя – испытательный срок! Не пропадёшь!

Банкину было лет сорок. Он родился и всю жизнь прожил в этом доме, после армии пошёл в милицию, служил в ОМОНе, даже в Чеченской войне поучаствовал, служил в разных подразделениях, а когда старый участковый засобирался на пенсию, Банкин тут же напросился на его место. И был очень доволен.

Никандрыч отошёл подальше от детской площадки, чтобы покурить, и в это время во дворе появилась Изольда-младшая. Она шла из школы в толпе ребятишек в том самом венке, который сплела утром, и золотые волосы были распущены, но вместо светлого платица на ней была надета темная юбочка и вышитая белая блузка – настоящая украинская вышиванка. Златовласка сразу заметила Никандрыча и бросилась к нему.

– Никандрыч! Здравствуй! А меня сегодня хвалили! Очень хвалили!

– Да, Изольду очень все хвалили! – подтвердил круглолицый мальчуган, с обожанием глядя на девочку.

– Да ты, Банкин, в неё просто влюбился! – ехидно заметила другая девочка, постарше, одетая с претензией на тинейджерку.

– Алиса, ты сказала глупость! – серьезно заметила Изольда. – Банкин ещё слишком маленький. А любовь – это очень серьезно. Хотя, как говорит моя бабушка, любви все возрасты покорны!

По всей видимости, мелкий Банкин приходился родственником Банкину-участковому. Он был таким же пухлощёким и веснушчатым.

Дети обступили Никандрыча и стали наперебой рассказывать, как новенькая Изольда хорошо пела, а учительница музыки играла на пианино, и одна уборщица даже заплакала.

– А что ты пела? – спросил Никандрыч.

– «Ничь яка мясячна» – с осуждением сказал Изольда. – Я ж тебе ещё утром говорила!

– Ах, да, – Никандрыч смутился.

– А я тебя знаю! – вдруг заявил мелкий Банкин. – Мой папа про тебя говорил. Ты тут в гаражах живёшь и у тебя золотые руки!

– А Никандрыч сегодня идёт к нам обедать! – серьезно заявила Изольда и, взяв Никандрыча за руку на правах главной над ним, уверенно повела за собой.

Никандрычу вдруг стало как-то очень весело от этой ватаги ребятишек, от Изольды, рассыпавшей вокруг свои золотые волосы, от явно влюблённого в неё мелкого Банкина. И даже девочки, немного завистливо поглядывающие на сверкающую красоту Изольды, ему нравились...

Во дворе появился старший Банкин. Он поздоровался с Никандрычем, подарил ему полпачки сигарет и сказал:

– Вот, Никандрыч, мама наша на работе, а я контролирую, когда этот мелкий домой приходит. За ним глаз да глаз. А то он может только к ночи домой добраться. Или возьмёт удочку и убежит на рыбалку... Надо проследить, чтобы пообедал нормально. И самому заодно пообедать.

– Па-а-п!!! – заныл младший Банкин. – Ты ж знаешь, у нас в летнем лагере кормят... Я не хочу больше!

– Ну да, кормят... Только всё равно надо....

– А Никандрыч к нам обедать идёт! – похвалилась Изольда.

– Это хорошо! Возьмите с бабушкой над ним шефство, ладно? Обещаешь?

– Обещаю! – серьёзно ответила Изольда и повела Никандрыча на обед ещё более торжественно.

Никандрыч и не подозревал, что его позвали на обед. Кажется, утром звали только на чай... Однако возражать не стал – не зря же он купался и мылся в ледяной воде. Да и, наверное, Изольда-старшая намерена нанять его на калым...

Изольда-старшая открыла дверь в том же цветастом сарафане с голым плечами и колыхающимися рюшечками, в котором была утром. И Никандрыч также краснел и бледнел, и пытался отказаться от обеда. Но не удалось. Потом действительно Изольда старшая показал ему фронт работ – квартира и впрямь была запущенной донельзя, но денег у них было немного, поэтому ремонт решили сделать минимальный. Слов за слово, разговорились.

Семья златоволосых Изольд действительно приехала из Донбасса. Дедушка младшей – муж старшей был шахтёром. Но после 2014 года, как многие мужественные Мужчины Донбасса, вступил в ополчение. И погиб в дебальцевском котле. Маленькой Изольде было всего два года, но дедушку она помнила. Она вообще очень многое помнила и очень много для своего возраста знала. Папа Златовласки был врачом, мама – учителем русского языка и литературы. После гибели деда в Дебальцевском котле папа, опытный хирург, тоже пошёл в ополчение и стал военным врачом. К той опасной и сложной жизни они привыкли и не роптали. Но в этом году папа вдруг заговорил о том, что, возможно, скоро начнётся настоящая война, и им надо уезжать. Бабушка и мама не боялись, они привыкли, да и жалко было покидать родные насиженные места. Но папа сказал, что если начнётся война, то он пойдёт воевать, а им могут мстить за это. И они уехали. В этом городе жил дедушкин брат, а его дети давно уехали в Москву. Когда дядя умер, наследники разыскали их и предложили приехать и купить квартиру за сущие копейки. Им самим квартира на окраине провинциального города была, конечно же, не нужна. Так вот всё благополучно и сошлось

В мае папа привёз их сюда и сразу же уехал, пообещав приехать позже. Изольда даже толком не закончила первый класс, ей оценки поставили экстерном... Мама устроилась работать в школу, но ехать приходилось очень далеко, на другой край города. Однако в этой школе, рядышком, куда определили Изольду, после летних отпусков освобождалась ставка, и это их радовало. Папу ждали в сентябре, раньше он не мог... В общем, если не считать гибели дедушки, семья была вполне счастлива и довольна. Как бывают счастливы и довольны малым семьи, пережившие многое...

После обеда и определения фронта работ для Никандрыча маленькая Изольда притащила книжку. Да, это действительно была та самая книга «В стране легенд» из теперь уже далёкого советского детства Никандрыча. Никандрыч удивился:

– Тебе только восемь лет! Как же ты читаешь такую взрослую книгу!

– Никакая она не взрослая, – изрекла поучительно Златовласка. – Легенды – это тоже сказки, только они красивее и с печальным концом. А я люблю печальные концы. Особенно если умирают из-за любви. И, вообще, жизнь не такая уж весёлая...

Бабушка улыбнулась, а Никандрыч вздохнул: ну что ещё может сказать ребёнок, прибывший из Донбасса...

– Вот я что тебе хочу сказать, Никандрыч, – продолжала Изольда тему трагических произведений литературы. – Вот, например, дракон. Сейчас каких только драконов не увидишь игрушечных! И все они такие добрые и мягкие, как котята. Ну разве это правильно? Руки надо оборвать инженерам на фабрике игрушек за таких драконов!

– Ну что ты такое говоришь, Изольда! – возмутилась бабушка, заваривая послеобеденный чай. – Нельзя во всём видеть плохое. Зачем пугать детей? Пусть и дракончики будут хорошие.

– Но это же неправильно, бабушка! – Изольда даже сдвинула свои бровки, слишком чёрные для золотистых волос. – А неправильно быть не должно! Правда ведь, Никандрыч? Вот, слушай! – она быстро перелистала страницы и стала читать. – «Верно, нездешний ты, изда-лека пришёл, раз не слышал про нашу беду. Поселился в нашей стране кровожадный дракон, пожирает юношей и девушек. Каждый день требует новых. Многие рыцари выходили на бой с драконом – все погибли. Спасайся, беги отсюда в другие земли и поведай людям: *«Беда в земле ирландской! Кто поборет дракона, тому король Ирландии отдаст в жёны свою дочь Изольду Золотоволосу»*. И Тристан пошёл воевать с драконом. – Она снова пролистнула несколько страниц. – «Показался на холме дракон – страшный и безобразный. Клубы дыма и пламени извергает драконья пасть. На лбу рога, уши длинней слоновьих, когти острее львиных, чёрные крылья волочатся по земле; ударит змеиным хвостом – скала расколется.

И весь покрыт чешуёй, как панцирем. Не пробьёшь такую чешую ни копьём, ни мечом. Понял это Тристан. Ещё понял он: надо бить копьём в открытую пасть – только так поразишь чудовище в самое сердце. Не меньше, чем смелость, нужна бывает воину хитрость в битве.

Спрятался Тристан позади обгорелых деревьев и ждёт. Совсем близко подполз дракон, жаром и тяжёлым смрадом обдало Тристана. Тогда хлестнул Тристан своего коня, вонзил ему в бока шпоры, прикрылся щитом и неожиданно появился перед драконом.

Замер от изумления дракон, широко открыл пасть. А Тристан метнул копьё в разинутую пасть – и пронзил сердце дракона.

Отпрянул дракон, земля закачалась. Зашумели деревья, завывали звери, кричат птицы.

Грызет копьё дракон, ударами хвоста валит вокруг деревья, словно косарь траву. Ударил он Тристана лапой с когтями – порвал кольчугу. Дохнул огнём на Тристана – и почернели на Тристане доспехи, а конь его зашатался и упал бездыханным.

Увидел Тристан, что издох дракон, отсёк у него язык и спрятал у себя на груди. Но, на беду, язык дракона источал смертельный яд. Страшная жажда мучит Тристана. С трудом добрёл он до ручья, припал ртом к воде и уже не мог встать, остался лежать в камышах. Тело у него стало чёрным, словно обуглилось. Глаза померкли и не видят света. Едва дышит Тристан».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.